

заселения Американского континента человеком. Таким же косвенным аргументом является и осуществленное Т. Сафидзавой краткое описание каменного инвентаря стоянки Хосино на Хонсю, нижние слои которой датируются сейчас 50 000—60 000 лет.

Не менее важная, хотя и более частная по сравнению с уже рассмотренной проблемой — проблема контактов населения северо-востока Азии и северо-запада Америки в географических рамках древней Берингии, включая в них Чукотский полуостров и Аляску. Этому посвящены представленные в сборнике работы Н. Н. Дикова, Р. А. Аккермана, Р. Л. Карлеона, Ф. М. Хоблера и ряда других. Н. Н. Диков ввел в науку новые данные по открытым им палеолитическим местонахождениям юга Чукотки, американские археологи также информируют нас о многих ранее не описанных местонахождениях. Авторы выявляют ряд заслуживающих внимания параллелей в материальной культуре населения Чукотки и Аляски в позднем плейстоцене — раннем голоцене, и параллели эти демонстрируют широкую картину интенсивных контактов населения обоих континентов, среди которого в районе Берингова пролива формировались наиболее ранние протоэскимосские культуры. Таким образом, в этих районах мы сталкиваемся с той миграцией на Американский континент, которая привела в конечном итоге к формированию предков народов, говорящих сейчас на эско-алеутских языках.

Все сказанное выше свидетельствует о серьезном и интересном, хотя и не бесспорном освещении проблемы заселения Америки с историко-культурной точки зрения. Однако не остались без внимания и попытки реконструкции физического типа древнейших насельников Америки. Мы имеем в виду статью Г. К. Тернера об одонтологических вариациях древнего и современного населения Азии и Америки и их экстраполяции на проблему происхождения американского человека. Автор выделяет два одонтологических комплекса, которые назвал синодонтией и сундадонтией. Каждый из них характеризуется определенной морфологической спецификой. Второй из них является, по-видимому, более древним и сформировавшимся в Юго-Восточной Азии, первый — более поздний и сложился, по мнению автора, в Центральной и Восточной Азии. Проследившая динамику этих комплексов во времени; автор предлагает ряд этногенетических соображений, в частности последовательность расселения разных этнических волн — палеоиндейцев, предков индейцев на-дене и эско-алеутов. Подобная последовательность подтверждается и некоторыми морфологическими данными, но вопрос еще далек, конечно, от окончательного решения.

В целом рецензируемый сборник отражает современный уровень разработки проблем заселения Америки человеком и его истории на протяжении перехода от палеолита к неолиту. Это хороший итог совместной работы советских и американских ученых над одной из кардинальных тем археологической и антропологической наук.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

А. И. Робакидзе. Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982 гг.) Тбилиси: Мецниереба, 1983. 158 с.

В истории науки бывают периоды, когда необходимо обзреть пройденный путь, разобраться в накопленном материале, подвести некоторые итоги. Шесть десятилетий развития грузинской советской этнографии — срок немалый. Поэтому предпринятая А. И. Робакидзе попытка «проследить за основными этапами разработки важнейших проблем этнографии Грузии» (с. 157) представляется весьма актуальной. Правда, подобная попытка — не первая во времени. Можно назвать ряд авторов, которые ставили перед собой аналогичные задачи¹. Однако ограниченные сравнительно небольшим объемом журнальных статей, они, естественно, смогли коснуться лишь главнейших вех в развитии грузинской советской этнографии, опуская по необходимости многие частности и детали. В рецензируемой же книге, содержащей подробный обзор значительного библиографического материала, осуществлен качественно новый подход к проблеме.

А. И. Робакидзе проанализировал огромное число монографий, статей, заметок и других публикаций, в которых аккумулирован 60-летний опыт грузинской советской этнографии. Теперь в руках исследователей есть добротная сводка библиографического материала, к которой можно постоянно обращаться в поисках нужной информации. Правда, сводка не исчерпывающая, об этом предупреждает читателей сам автор (с. 157). Однако все наиболее значительные, этапные труды, которые внесли существенный вклад в развитие грузинской советской этнографии и тем самым определили ее сегодняшнее лицо, нашли отражение в рецензируемой книге. В этом ее несомненная ценность.

Во «Введении» А. И. Робакидзе останавливается на дореволюционном периоде развития грузинской этнографии. К сожалению, этот раздел весьма краток (с. 3—20),

¹ Читая Г. С. Грузинская советская этнография за годы послевоенной сталинской пятилетки. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1952, № 3; Итонишвили В. Д. Грузинская советская этнография в 1921—1980 гг. — Мацне, 1981, № 1 (на груз. яз.); его же. Грузинская советская этнография за 60 лет. — СЭ, 1983, № 2.

он вряд ли сможет дать полное представление о предмете. Тем не менее представляет принципиально важным наличие его в книге, посвященной современному состоянию этнографической науки в Грузии. С самого начала для читателя становится очевидным, что грузинская этнография имеет многовековую историю, ибо уже в первых памятниках грузинской письменности полуторатысячелетней давности можно обнаружить свидетельства пробуждающегося интереса к этническим особенностям окружающего мира.

Как показывают приведенные в книге материалы, грузинские этнографы постоянно обращаются к наследию прошлых эпох, особенно к золотому фонду этнографической мысли XIX в. — уникальным публикациям И. Чавчавадзе, Ал. Казбеги, Важа Пшавела, Н. Хизанашвили, Б. Нижарадзе, Т. Сахокиа и других видных деятелей культуры, немало сделавших для изучения нравов и быта родного народа.

Структурно книга разделена на 10 очерков, причем выделение последних не подчинено единому принципу. Шесть очерков посвящено историографии той или иной крупной проблемы (таковы очерки «Материальная культура», «Хозяйственный быт», «Социальные взаимоотношения», «Грузино-кавказские параллели», «Духовная культура», «Изучение современного быта»), один — этнографическому музееведению, три завершающих — этнографической работе в Абхазской АССР, Аджарской АССР и Юго-Осетинской автономной области. В историографическом исследовании возможны и другие варианты подачи материала. Однако, на мой взгляд, А. И. Робакидзе избрал именно ту структуру, которая позволяет дать наиболее полное представление о развитии этнографической науки в Грузинской ССР.

В то же время изложение материала внутри самих очерков в ряде случаев вызывает возражения. Например, на с. 32—36 очерка «Хозяйственный быт» автор вынужден несколько раз возвращаться к вопросу об изучении земледельческих орудий из-за того, что основное повествование часто прерывается инородными вкраплениями. Неоднократно (с. 34, 38, 42) в этом же очерке говорится об изучении хозяйственных построек; к тому же сведения о последних имеются и в очерке «Материальная культура» (с. 26). Можно привести и другие аналогичные примеры. Это оставляет порой впечатление некоторой нечеткости. Возможно, было бы целесообразно сгруппировать однородный материал в своеобразные тематические блоки и расположить их в общепринятой в этнографических описаниях последовательности. Тогда читателю, который, скажем, заинтересуется степенью изученности хотя бы тех же хозяйственных построек, не пришлось бы в поисках нужных сведений просматривать весь очерк «Хозяйственный быт».

Не вполне удачно, на мой взгляд, название одного из очерков — «Грузино-кавказские параллели». Может создаться впечатление, что грузинские этнографы изучают быт и культуру соседних народов с единственной целью — выявить в них элементы, сходные с грузинскими. Но это далеко не так. Представленные в книге материалы свидетельствуют, что этнографическое изучение соседних народов грузинские ученые ведут по достаточно широкой программе, которая охватывает самые различные сферы материальной и духовной культуры. Естественно, при этом исследователи фиксируют черты сходства, обусловленные конвергентным развитием народов в близких природно-климатических условиях и длительными взаимными контактами. Название же очерка как бы сводит все работы такого плана к одному, хотя и важному, но частному аспекту.

Книга, к сожалению, не свободна от некоторых технических погрешностей. В ней много опечаток, порой искажены даже фамилии авторов. Есть опечатки и в ссылочном аппарате, что в историографических работах особенно досадно: это затрудняет поиск той или иной публикации в книгохранилищах. В списке сокращений не расшифрованы аббревиатуры ССКГ (Сборник сведений о кавказских горцах), ЗКОРГО (Записки Кавказского отдела Русского Географического общества), ВЭГ (Вопросы этнографии Грузии). Работа, безусловно, выиграла бы, если была бы снабжена именным, предметным и географическим указателями. Желательно, чтобы это было учтено при ее переиздании.

В целом книга А. И. Робакидзе — ценное издание, необходимость в котором уже давно ощущалась. Прочитав ее, получаешь ясное представление о том, что в Грузии сложилась своя школа этнографии с вполне оформившимися научными традициями. Последние оказывают глубокое воздействие на направленность исследовательской работы грузинских этнографов, выбор ими объектов для изучения. Влияние традиций сказывается, в частности, в пристальном внимании к локальным формам и элементам бытовой культуры грузинского народа, в стремлении тщательно зафиксировать и изучить мельчайшие проявления уникального опыта его творческого духа. В рамках этой концепции исследование некоторых видов плетеной посуды в одном уголке Грузии или характера брачных отношений в период от помолвки до свадьбы в другом выглядит не как мелкотемье, а как утверждение научной ценности изучения любого факта и явления бытовой практики народа.

На формирование подобной традиции, безусловно, оказали воздействие и объективные причины. В бытовой культуре грузин исторически сложились локальные формы, которые соответствовали существовавшим в прошлом субэтническим (мегрелы, сваны), этнографическим и локальным группам грузинского народа (карталинцы, кахетинцы, гурийцы, имеретинцы, рачинцы, пшавы, хевсуры, тушины и др.). Обладая особенностями как в материальной, так и в духовной сферах, эти группы демонстрировали вариации локальных форм культуры, сложившихся на общегрузинской основе, которые в ряде элементов прослеживаются вплоть до настоящего времени. Все это порождало безусловную необходимость этнографического изучения локальной специфики. Как вид-

Из рецензируемой книги, грузинские этнографы добились значительных успехов в этом направлении. Именно поэтому стало возможным начать работу над историко-этнографическим атласом и картографированием элементов бытовой культуры грузинского народа, которая в настоящее время находится в центре внимания этнографов республики. Вполне понятно, что без детального знания исторических и региональных форм картографируемых элементов такая работа была бы заранее обречена на провал. Вместе с тем существует явная опасность, что чрезмерное увлечение локально-специфическим может привести к недооценке научной значимости изучения общегрузинских элементов бытовой культуры, той общей основы, которая обусловила этническое единство всех ее вариаций и форм. Между тем, наиболее значительный вклад в грузинскую этнографическую науку, как свидетельствует ее история, был сделан именно в результате масштабного обобщения общегрузинского материала, поиска широких сравнительно-исторических параллелей, выявления типологических характеристик изучаемых объектов².

Проследив пути развития грузинской советской этнографии за 60 лет, невольно задумываешься о перспективах ее развития. Жаль, что в книге не нашли отражения дальнейшие планы грузинских этнографов. Однако несомненно, что их работы по-прежнему будут сосредоточены на ключевых проблемах этнографии Грузии и Кавказа. Возможно, спектр направлений научных поисков в будущем расширится, и в него будут включены новые исследовательские темы, которые до сего дня как бы выпадали из поля зрения грузинских этнографов. Так, судя по материалам рецензируемой книги, совершенно не изучаются вопросы этногенеза и этнической истории грузинского народа, крайне мало — этнические процессы, в том числе современные; интересные результаты могут быть получены при более интенсивном изучении групп некоренного населения Грузии (некоторые из них — давние мигранты — испытали значительное влияние грузинской бытовой культуры).

В заключение хочется подчеркнуть, что книга А. И. Робакидзе, раскрывая перед читателем широкую панораму развития грузинской советской этнографии, стала необходимым пособием для кавказоведов и всех интересующихся историей многонациональной советской этнографии.

Ю. Д. Анчабадзе

² Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957; Харадзе Р. Грузинская семейная община. Т. I, II. Тбилиси: Заря Востока, 1960, 1961; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ, 1978, № 2; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979; и др.